

~~29723~~ 86.34

Т53

Л. Н. Толстой.

Ц 157984 - РТФ

ЕВАНГЕЛИЕ.

(Краткое изложение).

88 г К/Х

Не въ силѣ Богъ,
а въ правдѣ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
1917 г.

МУК «Тульская
библиотечная система»

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это краткое изложение Евангелія есть извлечение изъ большого сочиненія.

Сочиненіе состоитъ изъ четырехъ частей:

1. Изложение того хода моей личной жизни и моихъ мыслей, который привелъ меня къ убѣжденію въ томъ, что въ христіанскомъ ученіи находится истина.

2. Изслѣдованіе христіанского ученія сначала по толкованіямъ одной православной церкви, потомъ по толкованіямъ вообще церкви, апостоловъ и такъ называемыхъ отцовъ церкви, и раскрытие того, что есть ложнаго въ этихъ толкованіяхъ.

3. Изслѣдованіе христіанского ученія не по этимъ толкованіямъ, а только по тому, что дошло до насъ изъ ученія Христа, приписанного ему и записанного въ евангеліяхъ, и

4. Изложение настоящаго смысла христіанского ученія, причинъ, по которымъ оно было извращено, и послѣдствій, которыхъ должна имѣть его проповѣдь.

Изъ третьей части составилось это изложение.

Соединеніе четырехъ евангелій сдѣлано мною по смыслу ученія. При этомъ соединеніи мнѣ не пришлось почти отступать отъ того порядка, въ которомъ изложены евангелія, такъ что при моемъ соединеніи не только не

больше, но скорѣе меныше перемѣщений стиховъ евангелія, чѣмъ въ большинствѣ извѣстныхъ мнѣ конкордій и нашего Четвероевангелія Гречулевича. Въ евангеліи Іоанна по моему соединенію совсѣмъ нѣтъ перемѣщений, а оно все изложено въ томъ же порядкѣ, какъ и въ подлинникѣ.

Раздѣленіе Евангелія на 12, или на 6 главъ (соединяя по двѣ главы въ одну), вытекло само собою изъ смысла ученія. Вотъ смыслъ этихъ главъ:

1. Человѣкъ—сынъ безконечнаго начала, сынъ этого Отца не плотью, но духомъ.
2. И потому человѣкъ долженъ служить этому началу духомъ.
3. Жизнь всѣхъ людей имѣеть божественное начало. Оно одно свято.
4. И потому человѣкъ долженъ служить этому началу въ жизни всѣхъ людей. Это воля Отца.
5. Служеніе волѣ Отца жизни даетъ жизнь.
6. И потому удовлетвореніе своей воли не нужно для жизни.
7. Жизнь временная есть пища жизни истинной.
8. И потому истинная жизнь—внѣ времени: она въ настоящемъ.
9. Обмань жизни во времени; жизнь прошедшаго и будущаго скрываетъ отъ людей истинную жизнь настоящаго.
10. И потому человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы разрушать обмань жизни прошедшаго и будущаго.

11. Истинная жизнь есть жизнь настоящего, общая всемъ людямъ, и выражается любовью.

12. И потому живущій любовью въ настоящемъ, общею жизнью всѣхъ людей, соединяется съ Отцомъ, началомъ и основой жизни.

Каждыя двѣ главы имѣютъ между собою связь слѣдствія и причины.

Кромѣ двѣнадцати главъ, къ изложенію присоединены: введеніе изъ 1 главы евангелія Іоанна, въ которомъ писатель говоритъ отъ себя о смыслѣ всего ученія, и—заключеніе изъ Посланія того же писателя (написанного вѣроятно прежде евангелій) и содержащее общий выводъ всего предшествующаго.

Введеніе и заключеніе не составляютъ существенной части ученія. Несмотря на то, что какъ введеніе, такъ и заключеніе могли бы быть опущены безъ потери для смысла ученія—(тѣмъ болѣе, что эти части написаны отъ лица Іоанна, а не Іисуса)—я удержалъ ихъ потому, что при простомъ пониманіи ученія Христа части эти, подтверждая одна другую и все ученіе, въ противоположность страннымъ толкованіямъ церкви, представляютъ самое простое указаніе на тотъ смыслъ, который долженъ быть придаваемъ ученію.

Въ началѣ каждой главы, кромѣ краткаго опредѣленія содержанія, я выставилъ еще и слова молитвы, которую Іисусъ училъ молиться учениковъ, соотвѣтствующія каждой главѣ.

Окончивъ свою работу, я къ удивленію и радости своей нашелъ, что молитва Господня есть не что иное,

какъ въ самой сжатой формѣ выраженное все учение Иисуса въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ уже были расположены мною главы, и что каждое выражение молитвы соответствуютъ смыслу и порядку главъ.

1. Отче нашъ.

Человѣкъ—сынъ Бога.

2. Иже еси на небесъхъ.

Богъ есть безконечное духовное начало жизни.

3. Да святится имя твое.

Да будетъ свято это начало жизни.

4. Да приидетъ царствіе твое.

Да осуществится его власть во всѣхъ людяхъ.

5. Да будетъ воля твоя яко на небеси.

И да совершится воля этого безконечного начала, какъ въ самомъ себѣ.

6. И на земли.

Такъ и во плоти.

7. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ

Жизнь временная есть пища жизни истинной.

8. Днесъ.

Жизнь истинная въ настоящемъ.

9. И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

И да не скрываютъ отъ насть этой истинной жизни ошибки и заблужденія прошлаго.

10. И не введи насть во искушеніе.

И да не вводять насть въ обманъ.

11. Но избави насть отъ лукаваго.

И тогда не будетъ зла.

12. Яко твое есть царство, и сила, и слава.

А будетъ твоя власть, и сила, и разумъ.

Въ пространномъ изложениі третьей части, находящейся въ рукописи, евангеліе по четыремъ евангелистамъ изложено все, безъ малѣйшихъ пропусковъ. Въ настоящемъ же изложениі выпущены слѣдующіе стихи: зачатіе и рожденіе Іоанна Крестителя, его заключеніе и смерть, рожденіе Іисуса, родословіе его, бѣгство съ матерью въ Египетъ, чудеса Іисуса въ Канѣ и Капернаумѣ, изгнаніе бѣсовъ, хожденіе по морю, изсушеніе смоковницы, исцѣленіе больныхъ, воскрешеніе мертвыхъ, воскресеніе самого Христа и указанія на пророчества, совершившіяся въ жизни Христа.

Стихи эти выпущены въ настоящемъ краткомъ изложениі потому, что, не заключая въ себѣ ученія, а описывая только события, совершившіяся передъ проповѣдью Іисуса, во время и послѣ нея, усложняютъ изложеніе. Стихи эти, какъ бы они ни были понимаемы, не содержать въ себѣ ни пристворѣчія съ ученіемъ, ни доказательства его истинности. Единственное значение этихъ стиховъ для христіанства было то, что невѣрующему въ божественность Іисуса они доказывали ее. Для человѣка же понимающаго неубѣдительность рассказа о чудесахъ и, кромѣ того, сомнѣвающагося въ божественности Іисуса по его ученію, стихи эти отпадаютъ сами собой по своей ненужности.

Въ большомъ изложениі каждое отступленіе отъ обычнаго перевода, каждое вставленное разъясненіе, каждый пропускъ объяснены и доказаны сличеніемъ разныхъ

варіантовъ евангелій, контекстами, филологическими и другими соображеніями. Въ этомъ краткомъ изложениі всѣ эти доказательства и опроверженія ложнаго пониманія церкви, какъ и подробныя примѣчанія съ ссылками, опускаются на томъ основаніи, что, какъ бы ни были точны и правильны разсужденія о каждомъ отдельномъ мѣстѣ, — разсужденія эти не могутъ убѣдить въ истинности пониманія смысла ученія. Доказательства истинности пониманія ученія находятся не въ разсужденіяхъ обѣ отдельныхъ мѣстахъ, а въ единствѣ, ясности, простотѣ, полнотѣ ученія и въ соответствіи его съ внутреннимъ чувствомъ всякаго человѣка, ищащаго истину.

Относительно ввобѣ всѣхъ отступленій въ моемъ изложениі отъ принятаго церквами текста, читатель долженъ не забывать того, что столь привычное намъ представлениe о томъ, что евангелія, и всѣ четыре, со всѣми стихами и буквами, суть священные книги, есть самое грубое заблужденіе.

Читатель долженъ помнить, что Иисусъ никогда самъ не писалъ никакой книги, какъ Платонъ, Филоны или Маркъ Аврелій, даже не какъ Сократъ передавалъ свое ученіе грамотнымъ и образованнымъ людямъ, а говорилъ толпѣ безграмотныхъ; и что только долго послѣ его смерти люди стали записывать то, что слышали о немъ.

Читатель долженъ помнить, что такихъ записокъ было очень много различныхъ, изъ которыхъ церкви выбрали сначала три, потомъ и еще одно евангеліе,

что, выбирая эти наилучшія евангелія, церкви, по пословицѣ «не выберешь дубинки безъ кривинки», должны были захватить въ томъ, что они вырѣзали изъ всей огромной литературы о Христѣ, и много кривинки, что много есть мѣсть въ каноническихъ евангеліяхъ столь же плохихъ, какъ и въ отвергнутыхъ апокрифическихъ.

Читатель долженъ помнить, что священо можетъ быть учение Христа, но никакъ не можетъ быть священное известное количество стиховъ и буквъ, и не могутъ сдѣлаться священными стихи отсюда и досюда только потому, что люди скажутъ, что они священны.

Кромѣ того, читатель долженъ помнить, что эти отобранныя евангелія все-таки—дѣло тысячъ разныхъ умовъ и рукъ человѣческихъ, что они отбирались, прибавлялись и толковались вѣками, что всѣ дошедшія до насъ евангелія 4-го вѣка писаны слитнымъ письмомъ, безъ знаковъ и потому и послѣ 4-го и 5-го вѣковъ подлежали самымъ разнообразнымъ чтеніямъ, и что такихъ разночтений евангельскихъ книгъ насчитываютъ до пятидесяти тысячъ.

Все это долженъ помнить читатель, чтобы не сбиться на тотъ привычный намъ взглядъ, что евангелія, какъ они понимаются теперь, такъ точно и пришли къ намъ отъ святого духа.

Читатель долженъ помнить, что не только не предосудительно откидывать изъ евангелій ненужныхъ мѣста, освѣщать одни другими, но, на противъ того, неразумно не дѣлать этого, а считать известное число стиховъ и буквъ священными.

Съ другой стороны я прошу читателя моего изложения евангелія помнить то, что, если я не смотрю на евангелія, какъ на священные книги, сопедшія отъ святого духа, я еще менѣе смотрю на евангелія, какъ на памятники исторіи религіозной литературы. Я понимаю и богословскій, и исторический взглядъ на евангелія, но я смотрю на нихъ иначе, и потому прошу читателя, при чтеніи моего изложения, не сбиться ни на церковный взглядъ, ни на привычный въ послѣднее время образованнымъ людямъ исторической взглядъ на евангелія, которыхъ я не имѣлъ.

Я смотрю на христіанство не какъ на исключительное божественное откровеніе, не какъ на историческое явленіе; я смотрю на христіанство, какъ на ученіе, дающее смыслъ жизни. Я былъ приведенъ къ христіанству не богословскими, не историческими изслѣдованіями, а тѣмъ, что 50-ти лѣтъ отъ роду, спросивъ себя и всѣхъ мудрецовъ моей среды о томъ, что такое я, и въ чемъ смыслъ моей жизни, и получивъ отвѣтъ: ты—случайное сплетеніе частицъ, смысла въ жизни нѣть, и сама жизнь есть зло, и—тѣмъ, что, получивъ такой отвѣтъ, я пришелъ въ отчаяніе и хотѣлъ убить себя, но, вспомнивъ то, что прежде, въ дѣствѣ, когда я вѣрилъ, для меня былъ смыслъ жизни, и то, что люди, вѣрующіе вокругъ меня,—большинство людей, не развращенныхъ богатствомъ,—вѣрють и имѣютъ смыслъ жизни,—я усомнился въ правдивости отвѣта, даннаго мнѣ мудростью людей моей среды, и попытался понять тотъ отвѣтъ, который даетъ христіанство людямъ, понимаю-

щимъ смыслъ жизни. И я сталъ изучать христіанство въ томъ, что изъ христіанского ученія руководить жизнью людей. Я сталъ изучать то христіанство, приложеніе котораго я видѣлъ въ жизни, и сталъ сличать это приложеніе съ его источникомъ.

Источникомъ христіанского ученія были евангелія; и въ евангеліяхъ я находилъ объясненія того смысла, который руководилъ жизнью всѣхъ живущихъ людей.

Но рядомъ съ этимъ источникомъ чистой воды жизни я нашелъ незаконно соединенную съ нимъ грязь и тину, которая одна заслоняла для меня его чистоту; рядомъ съ высокимъ христіанскимъ ученіемъ я нашелъ связанное съ нимъ, чуждое ему, безобразное ученіе еврейское и церковное. Я находился въ положеніи человѣка, который бы получилъ мѣшокъ вонючей грязи, и только послѣ долгой борьбы и труда нашелъ бы, что въ этомъ мѣшкѣ, заваленныя грязью, дѣйствительно лежать безцѣнныя жемчужины; понялъ бы, что онъ не виноватъ въ своемъ отвращеніи къ вонючей грязи, и не только не виноваты, но достойны любви и уваженія тѣ люди, которые собрали и хранили этотъ жемчугъ вмѣсть съ грязью.

Я не зналъ свѣта, думалъ, что нѣтъ свѣта истины въ жизни; но, убѣдившись въ томъ, что люди живы только этимъ свѣтомъ, я сталъ искать его источникъ и нашелъ его въ евангеліи, несмотря на лживыя толкованія церквей. И, дойдя до этого источника свѣта, я былъ ослѣпленъ имъ и получилъ полные отвѣты на вопросы о смыслѣ моей жизни и жизни другихъ людей,

отвѣты, вполнѣ сходящіеся со всѣми мнѣ известными отвѣтами другихъ народовъ, и на мой взглядъ превосходящіе всѣ.

Я искалъ отвѣта на вопросъ жизни, а не на богословскій вопросъ или историческій, и потому для меня главный вопросъ не въ томъ, Богъ или не Богъ былъ Іисусъ Христосъ и отъ кого исшелъ святой духъ и т. п.; одинаково не важно и не нужно знать, когда и кѣмъ написано какое евангеліе и какая притча можетъ или не можетъ быть приписана Христу. Мнѣ важенъ тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ 1800 лѣтъ человѣчество, и освѣщалъ и освѣщаетъ меня; а какъ называть источникъ этого свѣта, и какие материалы его, и кѣмъ зажженъ,— мнѣ все равно.

На томъ бы могло и кончиться это предисловіе, если бы евангелія были книги, открытые теперь, если бы ученіе Христа не подвергалось 1800-лѣтнимъ лжетолкованіямъ. Но теперь для пониманія ученія Іисуса необходимо ясно сознать главные пріемы этихъ лжетолкованій. Самый привычный и сросшійся съ нами пріемъ лжетолкованія состоитъ въ томъ, что подъ именемъ христіанскаго ученія проповѣдывается не ученіе Христа, а церковное ученіе, составленное изъ объясненій самыхъ противорѣчивыхъ писаній, въ которыя только какъ малая часть входитъ оно, изуродованное и подогнутое подъ требованія объясненія другихъ писаній. Ученіе Христа по этому лжетолкованію есть только одно изъ звеньевъ цѣпи откровенія, начавшагося съ начала міра и продолжавшагося въ церкви до сихъ поръ. Лжетолкователи

эти называютъ Иисуса Богомъ, но признаніе его Богомъ не заставляетъ ихъ придавать словамъ и ученію, приписываемому Богу, больше значенія, чѣмъ словамъ Пятикнижія, Псалмовъ, Дѣяній апостольскихъ, Посланій, Апокалипсиса и даже соборныхъ постановленій и писаній отцовъ церкви.

Лжетолкователи эти не допускаютъ иного пониманія ученія Иисуса, какъ такого, которое было бы согласно со всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ откровеніемъ; такъ что цѣль ихъ не въ томъ, чтобы объяснить значение проповѣди Христа, а только въ томъ, чтобы найти наименѣе противорѣчивый смыслъ самыхъ невозможнo-разнорѣчивыхъ писаній Пятикнижія, Псалмовъ, Евангелія, Посланій, Дѣяній, т. е. всего, что считается священнымъ писаніемъ.

Объясненій такихъ, имѣющихъ цѣлью не истину, а согласованіе несогласимаго, т. е. писаній Ветхаго и Нового Завѣта, очевидно можетъ быть безчисленное количество, и таково оно есть. Таковы посланія Павла, постановленія соборовъ, начинающіяся формулой «изволіся намъ и св. духу». Таковы постановленія папъ, синодовъ, хлыстовъ и всѣхъ лжетолкователей, утверждающихъ, что ихъ устами говорить св. духъ. Всѣ они употребляютъ одинъ и тотъ же грубый пріемъ утвержденія истины своего толкованія тѣмъ, что толкованіе ихъ есть не людское толкованіе, а толкованіе св. духа.

Не входя въ разборъ самыхъ вѣръ этихъ, называющихъ себя каждой истинной, нельзя не видѣть того, что въ общемъ имъ всѣмъ пріемѣ признанія огромнаго

количество такъ называемыхъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта одинаково священными, лежитъ непреодолимая, ими самими поставленная себѣ преграда для пониманія ученія Христа, и еще того, что изъ этого заблужденія вытекаетъ самая возможность и даже необходимость безконечно-разнообразныхъ толкованій ученія. Только согласованіе всѣхъ откровеній можетъ быть безконечно различно; толкованіе же ученія одного лица, почитаемаго за Бога, не можетъ порождать разногласія. Ученіе Бога, сошедшаго на землю, чтобы научить людей, по самой цѣли сопствія Бога на землю, не можетъ быть понимаемо различно. Если Богъ сопелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же онъ этого не сдѣлалъ, то онъ не былъ Богъ; если же истины божескія таковы, что и Богъ не могъ ихъ сдѣлать понятными для людей, то люди уже никакъ не могутъ этого сдѣлать.

Если Іисусъ не Богъ, а великій человѣкъ, то ученіе его еще менѣе можетъ породить разногласія. Ученіе великаго человѣка только тѣмъ и велико, что оно понятно и ясно высказываетъ то, что другіе высказывали непонятно и неясно. То, что непонятно въ ученіи великаго человѣка, то и невелико; и потому ни одно ученіе великаго человѣка не порождало сектъ. Только такое толкованіе, которое утверждаетъ, что оно есть откровеніе св. духа, что оно единое истинное, что всѣ остальные ложь,—только такое толкованіе порождаетъ разногласіе и вытекающую изъ него взаимную враждебность церквей

между собою. Сколько бы ни говорили церкви всякихъ исповѣданій о томъ, что они не осуждаютъ другія испо-вѣданія, молятся о присоединеніи и не имѣютъ къ нимъ ненависти,—это несправедливо. Никогда ни одно утверждение какого бы то ни было доклада, начиная съ Ария, не вытекало не изъ чего другого, какъ изъ осужденія во лжи противоположнаго доклада. Заявленіе же о томъ, что выраженіе такого-то доклада есть выраженіе божественное, св. духа, есть высшая степень гордости и недоброжелательства къ другимъ людямъ: высшей гордости,—потому что ничего нельзя сказать горделивѣ, какъ то, что сказанныя мною слова сказалъ черезъ меня сынъ Бога; и недоброжелательства потому, что признаніе себя въ обладаніи единой несомнѣнной истиной включаетъ утверждение о лживости всѣхъ несогласныхъ. А между тѣмъ только это самое говорятъ всѣ церкви, и изъ этого одного вытекаетъ и вытекало все зло, которое во имя вѣры совершалось и совершается въ мірѣ.

Но кромѣ того временнаго зла, которое производить такое толкованіе церквей и сектъ, оно имѣеть и другой важный внутренній недостатокъ, придающій неясный, неопределенный и недобросовѣстный характеръ ихъ утвержденіямъ. Недостатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ церкви, признавъ послѣднимъ — откровеніе св. духа, сошедшаго на апостоловъ и перешедшаго и переходящаго на мнимо избранныхъ, нигдѣ не выражаютъ прямо, опредѣленно и окончательно, въ чёмъ состоитъ это откровеніе; а между тѣмъ на этомъ мнимо продолжающемся откровеніи основываютъ свою вѣру и назы-

ваютъ ее Христової. Всѣ церковники, признающіе откровеніе св. духа, такъ же какъ и магометане, признаютъ три откровенія: Моисея, Іисуса и св. духа. Но по магометанской вѣрѣ считается, что послѣ Моисея и Іисуса Магометъ есть послѣдній пророкъ, объяснившій значеніе откровенія Моисея и Іисуса, и это откровеніе Магомета всякой правовѣрный имѣеть передъ собою.

Но не то съ церковной вѣрой. Она, какъ и магометанская, признаетъ три откровенія: Моисеево, Іисусово и св. духа, но она не называетъ себя по имени послѣдняго откровенія,—святодуховскою, а утверждаетъ, что основа ея вѣры есть ученіе Христа. Такъ что ученіе они проповѣдуютъ свое, а авторитетъ этого ученія приписываютъ Христу. Церковники, признавая послѣднимъ откровеніемъ, объясняющимъ все предшествовавшее, кто—Павла, кто—одни, кто—другіе соборы, кто—папъ, кто — патріарховъ, должны бы были такъ и сказать и называть свою вѣру по имени того, кто имѣлъ послѣднее откровеніе. И если послѣднее откровеніе отцы, или посланія восточныхъ патріарховъ, или папскія постановленія, или силлабусъ, или катехизисъ Лютера или Филарета, то такъ и сказать, и такъ и назвать свою вѣру, потому что послѣднее откровеніе, объясняющее все предшествующее, всегда и будетъ главнымъ откровеніемъ. Но они не дѣлаютъ этого, а вместо того, проповѣдуя самыя чуждыя Христу ученія, утверждаютъ, что эти ученія проповѣдывалъ Христосъ. Такъ что по ихъ ученію выходитъ, что Христосъ объявилъ то, что онъ искупилъ своею кровью родъ человѣческій, павшій

въ Адамъ, что Богъ—Троица, что св. Духъ сошелъ на апостоловъ и перешелъ, черезъ рукоположеніе, на священство, что для спасенія нужны семь таинствъ, что причастіе должно быть въ двухъ видахъ и т. п. Выходитъ, что все это есть ученіе Христа, когда въ ученіи Иисуса нѣтъ ни одного намека ни о чёмъ этомъ. Лжеучители эти должны называть свое ученіе, свою вѣру, ученіемъ и вѣрою св. Духа, а не Христовой; потому что Христовой вѣрой можно называть только ту вѣру, которая откровеніе Христа, дошедшее до насъ въ Евангеліяхъ, признаетъ послѣднимъ откровеніемъ.

Казалось бы, что это такъ просто, что не стоило бы и говорить про это; но какъ ни странно это сказать, до сихъ поръ еще не отдѣлено ученіе Христа, съ одной стороны,—отъ искусственнаго, ничѣмъ неоправданнаго согласованія его съ ветхимъ завѣтомъ, съ другой стороны—отъ тѣхъ произвольныхъ дополненій и извращеній ученія, которыя дѣлаются во имя св. Духа.

До сихъ поръ одни, называя Иисуса вторымъ лицомъ Троицы, понимаютъ его ученіе не иначе, какъ въ связи съ тѣми мнимыми откровеніями третьяго лица, которыя они находятъ въ ветхомъ завѣтѣ, въ посланіяхъ, соборныхъ отеческихъ постановленіяхъ, и проповѣдуютъ самыя странныя вѣры, утверждая, что это вѣра Христа.

Другіе, не признавая Иисуса Богомъ, точно также понимаютъ его ученіе не такъ, какъ оно могло быть проповѣдуемо имъ, но какъ оно понимается Павломъ и другими его толкователями. Признавая Иисуса не Богомъ, а человѣкомъ, эти толкователи лишаютъ Иисуса самаго

законного человѣческаго права—отвѣтить за свои слова, а не за лжетолкователей его словъ. Стараясь объяснить ученіе Іисуса, эти ученые толкователи навязываютъ Іисусу то, чего онъ никогда не думалъ говорить. Представители этой школы толкователей, начиная съ самаго популярнаго изъ нихъ, Ренана, не потрудившись выдѣлить изъ ученія Христа того, чему училъ самъ Христосъ, отъ того, что на него наклепали его толкователій, не потрудившись понять это ученіе сколько-нибудь глубже,— стараются понять смыслъ явленія Іисуса и распространенія его ученія изъ событій жизни Іисуса и условій его времени.

Задача, которую имъ предстоитъ рѣшить, состоить въ томъ,—что 1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то ницій и что-то наговорилъ. Его высѣкли и повѣсили. И съ тѣхъ поръ, — несмотря на то, что было много и много праведниковъ, погибшихъ за свою правду, — миллиарды людей умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и безграмотныхъ, не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что этотъ, только этотъ человѣкъ былъ Богъ. Какъ объяснить это удивительное явленіе? Церковники говорятъ, что это произошло отъ того, что Іисусъ былъ Богъ. И тогда все понятно. Но если онъ не былъ Богъ, то какъ объяснить то, что именно этотъ простой человѣкъ всѣми признанъ Богомъ? И ученые этой школы старательно разыскиваютъ всѣ подробности жизни этого человѣка, не замѣчая того, что сколько бы ни отыскали подробностей (въ действительности же ровно ничего не отыскали), еслибы они даже возстановили всю жизнь Іисуса

до мельчайшихъ подробностейъ, вопросъ о томъ, почему онъ, именно онъ, имѣлъ такое вліяніе на людей, остался бы все-таки безъ отвѣта. Отвѣтъ не въ томъ, въ какой средѣ родился Іисусъ, и кто его воспитывалъ и т. п., и еще менѣе въ томъ, что дѣлалось въ Римѣ, и что народъ былъ склоненъ къ суевѣрію и т. п., а только въ томъ, что проповѣдывалъ этотъ человѣкъ такое особенное, что заставило людей выдѣлить его изъ всѣхъ другихъ и признать его Богомъ тогда и теперь? Казалось бы, что первое, что надо сдѣлать, это—постараться понять ученіе этого человѣка и понять, само собою разумѣется, именно его ученіе, а не тѣ грубыя толкованія его ученія, которыя распространялись и распространяются послѣ него. А этого-то и не дѣлаютъ. Эти ученые историки христіанства такъ обрадовались гому, что они поняли, что Іисусъ не былъ Богъ, и такъ имъ хочется доказать, что ученіе его не божественное и потому необязательное, что, — забывая то, что чѣмъ больше они докажутъ то, что онъ былъ простой человѣкъ, и что ученіе его не божественное, тѣмъ дальше они будутъ отъ разумѣнія занимающаго ихъ вопроса,— они всѣ силы напрягаютъ на то, чтобы доказать, что онъ былъ простой человѣкъ, и что потому ученіе его не божеское. Чтобы видѣть ясно это удивительное заблужденіе, стоитъ вспомнить статью Навет послѣдователя Ренана, который утверждаетъ, что Jésus Christ n'avait rien de chrétien, или Souris, который съ восторгомъ доказываетъ, что Іисусъ Христосъ былъ очень грубый и глупый человѣкъ.

Дѣло не въ томъ, чтобы доказать, что Иисусъ не былъ Богъ, и что потому его ученіе не божеское, и не въ томъ, чтобы доказать, что онъ не былъ католикъ; а въ томъ, чтобы понять, въ чемъ состояло, во всей чистотѣ его, то ученіе, которое было такъ высоко и дорого людямъ, что правѣдника этого ученія люди признали и признаютъ Богомъ.

И потому, если читатель принадлежитъ къ огромному большинству образованныхъ, воспитанныхъ въ церковной вѣрѣ людей, но отрекшихся отъ ея несообразностей съ здравымъ смысломъ и совѣстью (остались ли у такого человѣка любовь и уваженіе къ духу христіанскаго ученія, или онъ по пословицѣ: осердясь на блохъ—и шубу въ печь,—считаетъ все христіанство вреднымъ суевѣріемъ), я прошу такого читателя помнить, что то, что отталкиваетъ его, и то, что представляется ему суевѣріемъ, не есть ученіе Христа; что Христосъ не можетъ быть повиненъ въ томъ безобразномъ преданіи, которое припали къ его ученію и выдавали за христіанство; что для того, чтобы судить о христіанствѣ, надо изучать только одно ученіе Христа, какъ оно дошло до насъ, т. е. тѣ слова и дѣйствія, которыя приписываются Христу и которыя имѣютъ учительное значеніе.

Изучая такимъ образомъ ученіе Христа, такой читатель убѣдится, что христіанство не только не есть смѣшеніе высокаго съ низкимъ, не только не есть суевѣріе, но есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое ученіе, выше которого не поднимался до сихъ поръ разумъ человѣческій, и въ кругу ко-

тораго, не сознавая того, движется человѣческая дѣятельность, политическая, научная, поэтическая и философская.

Если читатель принадлежить къ тому ничтожному меньшинству образованныхъ людей, которые держатся церковной вѣры, исповѣдуя ее не для вѣщихъ цѣлей, а для внутренняго спокойствія, я прошу такого читателя помнить, что ученіе Христа, изложенное въ этой книгѣ, несмотря на одинаковость названія, есть совершенно другое ученіе,—а не то, которое онъ исповѣдуетъ, и что потому вопросъ для него не въ томъ, согласно или несогласно предлагаемое ученіе съ его вѣрою, а только въ томъ, какое ученіе согласнѣе съ его разумомъ и сердцемъ,—его-ли церковное ученіе, составленное изъ согласованій всѣхъ писаній, или одно ученіе Христа. Вопросъ для него только въ томъ, хотѣть ли онъ принять новое ученіе или оставаться въ своей вѣрѣ.

Если же читатель принадлежить къ тѣмъ людямъ, вѣщне исповѣдующимъ церковную вѣру и дорожающимъ ею не потому, что они вѣрять въ истину, а по вѣшнимъ соображеніямъ, потому что они считаютъ исповѣданіе и проповѣданіе выгоднымъ для себя, то пусть такие люди помнятъ, что сколько бы у нихъ ни было единомышленниковъ, какъ бы сильны они ни были, на какіе бы престолы ни садились, какими бы не называли себя высокими именами, они не обвинители, а обвиняемые. Такие читатели пусть помнятъ, что имъ доказывать нечего, что они давно сказали, что имѣли сказать, что еслибы они даже и доказали то, что хотѣть доказать, то доказали бы только то, что доказы-

ваютъ, каждое для себя, всѣ сотни отрицающихъ другъ друга исповѣданій церковныхъ вѣръ; что имъ не доказывать нужно, но оправдываться: оправдываться въ кощунствѣ, по которому они ученіе Іисуса-Бога приравняли къ ученіямъ Ездры, соборовъ и Өеофилактовъ и позволяли себѣ слова Бога перетолковывать и измѣнять на основаніи словъ людей; оправдываться въ клеветѣ на Бога, по которой они всѣ тѣ изувѣрства, которыхъ были въ ихъ сердцахъ, свалили на Бога-Іисуса и выдавали ихъ за его ученіе; оправдываться въ мошенничествѣ, по которому они, скрывъ ученіе Бога, пришедшаго дать благо міру, поставили на его мѣсто свою святодуховскую вѣру и этой подстановкой лишали и лишаютъ миллиарды людей того блага, которое принесъ людямъ Христосъ, и вместо мира и любви, принесенныхъ имъ, внесли въ міръ секты, осужденія, убийства и всевозможныя злодѣйства.

Для этихъ читателей только два выхода: смиренное покаяніе и отреченіе отъ своей лжи, или гоненіе тѣхъ, которые обличаютъ ихъ за то, что они дѣлаютъ и дѣлали.

Если они не отрекутся отъ лжи, имъ остается однотнать меня, на что я, оканчивая свое писаніе, готовлюсь съ радостью и со страхомъ за свою слабость.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна. 1883 г. *)

*) Послѣднія поправки въ этомъ предисловіи сдѣланы авторомъ 19 января 1904 г. (Изд.).

Евангеліе.

Возвѣщеніе о благѣ Іисуса Христа, сына Бога.

ВВЕДЕНИЕ.

Разумѣніе жизни.

Возвѣщеніе Іисуса Христа замѣнило вѣру во вѣшняго Бога разумѣніемъ жизни.

Возвѣщеніе о благѣ Іисуса Христа, сына Бога.
(Мр. I. 1).

Возвѣщеніе о благѣ состоитъ въ томъ, что всѣ люди, увѣрившись въ томъ, что они — сыны Бога, получаютъ жизнь истинную. (Ін. XX, 31).

Въ основу и начало всего стало разумѣніе жизни. Разумѣніе жизни есть Богъ. (Ін. I, 1). Оно-то, по возвѣщенію Іисуса, стало основой и началомъ всего. (Ін. I, 2).

Все чрезъ разумѣніе родилось къ жизни. И безъ него не можетъ быть ничто живое (Ін. I, 3). Разумѣніе даетъ истинную жизнь (Ін. I, 4). Разумѣніе, это — свѣтъ истины. А свѣтъ свѣтитъ въ темнотѣ, и темнота не можетъ погасить его (Ін. I, 5).

Свѣтъ истиинный былъ всегда въ мірѣ и освѣщаетъ всякаго человѣка, рождающагося въ мірѣ (Ін. I, 9). И былъ въ мірѣ, и міръ былъ живъ только потому, что имѣлъ въ себѣ свѣтъ разумѣнія.

Но міръ не удерживалъ его (Ін. I, 10). Онъ являлся въ своемъ, но свое не удерживало его (Ін. I, 11).

Только тѣ, которые поняли разумѣніе, — только тѣ получили возможность сдѣлаться подобными ему тѣмъ, чѣо они повѣрили въ сущность его (Ін. I, 12). Тѣ, которые повѣрили въ то, что жизнь въ разумѣніи, стали не сынами плоти, а сынами разумѣнія (Ін. I, 13).

И разумѣніе жизни въ лицѣ Іисуса Христа проявило себя во плоти, и мы поняли смыслъ его такъ, что сынъ разумѣнія, человѣкъ во плоти, однороденъ Отцу, началу жизни, — такой же, какъ Отецъ, какъ и начало жизни. (Ін. I, 14).

Ученіе Іисуса есть совершенная и истинная вѣра (Ін. I, 15), потому что, по исполненію ученія Іисусомъ, мы поняли новую вѣру вмѣсто прежней. (Ін. I, 16). Моисеемъ былъ данъ законъ, но вѣру истинную мы поняли чрезъ Іисуса Христа. (Ін. I, 17).

Бога никто не видалъ и не видитъ никогда; только сынъ, тотъ, который въ Отцѣ, тотъ указалъ путь жизни (Ін. I, 18).

I.

Сынъ Бога.

Человѣкъ, сынъ Бога, безсиленъ во плоти и свободенъ духомъ.

Рожденіе Іисуса Христа вотъ какъ было:

Мать его Марія была обручена Іосифу. Но прежде, нежели они стали жить, какъ мужъ съ женой, оказа-

заялась Марія беременна (Ме. I, 18). Іосифъ же былъ человѣкъ добрый и не хотѣлъ ее осрамить; онъ принялъ ее въ жены и не имѣлъ съ нею дѣла, пока она не родила сына своего перваго и назвала его Іисусъ (Ме. I, 19, 24, 25).

И мальчикъ ростъ и мужалъ; и былъ разуменъ не по годамъ (Лк. II, 40).

Было Іисусу 12 лѣтъ, и пошли разъ Марія съ Іосифомъ къ празднику въ Іерусалимъ и взяли съ собой мальчика (Лк. II, 41, 42). Отошелъ праздникъ и пошли они домой и забыли про мальчика (Лк. II, 43). Потомъ вспомнили и подумали, что онъ ушелъ съ ребятами, и спрашивали про него дорогой. Мальчика нигдѣ не было, и они вернулись за нимъ въ Іерусалимъ (Лк. II, 44, 45). И уже на третій день нашли они мальчика въ церкви,— сидить съ учителями, спрашиваетъ ихъ и слушаетъ (Лк. II, 46). И всѣ удивляются разуму его (Лк. II, 47). Мать увидѣла его и говоритъ: что ты съ нами сдѣлалъ? Мы съ отцемъ твоимъ горюемъ, ищемъ тебя (Лк. II, 48). А онъ сказалъ имъ: гдѣ же вы искали меня? Развѣ вы не знаете, что сына надо искать въ домѣ Отца (Лк. II, 49). И они не поняли словъ его, не поняли, кого онъ называлъ Отцомъ своимъ (Лк. II, 50).

И послѣ того Іисусъ жилъ у матери и слушался ее во всемъ (Лк. II, 51). И подвизался и въ возрастѣ и въ разумѣ (Лк. II, 52). И всѣ думали, что Іисусъ — сынъ Іосифа. И такъ онъ жилъ до 30 лѣтъ (Лк. III, 23).

Въ то время объявился въ Іудеѣ пророкъ Іоаннъ (Ме. III, 1). Онъ жилъ въ степи Іудейской на Горданѣ

(Лк. III, 3). Одежда Іоанна была изъ верблюжьяго волоса, подпоясана ремнемъ, а питался онъ корой древесной и зельемъ (Ме. III, 4).

Іоаннъ говорилъ: одумайтесь, потому что наступаетъ царство небесное.

Онъ призывалъ народъ къ перемѣнѣ жизни, чтобы избавиться отъ неправды, и въ знакъ перемѣны жизни купаль народъ въ Іорданѣ (Ме. III, 2). Онъ говорилъ: голосъ взываетъ къ вамъ; проложите въ глухи путь Богу, уравняйте путь ему (Лк. III, 4). Сдѣлайте такъ, чтобы все было ровно, чтобы не было ни впадинъ ни возвышеній, ни высокаго ни низкаго (Лк. III, 5). Тогда Богъ будетъ среди васъ, и всѣ найдутъ спасеніе свое (Лк. III, 6).

И спрашивалъ его народъ: что намъ дѣлать? (Лк. III, 10).—Онъ отвѣчалъ: у кого двѣ одежи, тотъ отдай тому у кого нѣтъ. И у кого есть пища, отдай тому, у кого нѣтъ ея (Лк. III, 11). Приходили къ нему откупщики и спрашивали: намъ что дѣлать? (Лк. III, 12). Онъ сказалъ имъ: ничего противъ положенного не вымогайте (Лк. III, 13). И спрашивали воины: какъ намъ быть?—Онъ сказалъ: никого не обижайте, не плутуйте; будьте довольны тѣмъ, что вамъ отпускаютъ (Лк. III, 14).

И приходили къ нему іерусалимцы и всѣ іудеи по близости Іордана (Ме. III, 5). И каялись ему въ своей неправдѣ, и, въ знакъ перемѣны жизни, онъ купаль ихъ въ Іорданѣ (Ме. III, 6).

И правовѣрные и старообрядцы пришли тоже къ Іоанну, но тайно. Онъ узналъ ихъ и сказалъ: вы змѣи-

ная порода: или почуяли и вы, что не отбыть вамъ воли Божьей? Такъ одумайтесь и перемѣните же свою вѣру (Ме. III, 7). И если хотите перемѣнить вѣру, то пускай по плодамъ вашимъ видно будетъ, что вы одумались (Ме. III, 8). Уже и топоръ положенъ подлъ дерева. Если дерево приносить дурной плодъ, его срубаютъ и бросаютъ въ огонь (Ме. III, 10). Я въ знакъ вашей перемѣны очищаю васъ въ водѣ, но послѣ этого купанья вы должны очиститься еще духомъ (Ме. III, 11). Духъ очистить васъ, какъ хозяинъ очищаетъ гумно свое: пшеницу собереть, а мякину сожжетъ (Ме. III, 12).

Иисусъ пришелъ изъ Галилеи на Іорданъ, чтобы выкупаться у Іоанна; и выкупался и услышалъ проповѣдь Іоанна. (Ме. III, 13).

И отъ Іордана онъ пошелъ въ пустыню и тамъ позналъ силу духа (Ме. IV, 1).

Иисусъ пробылъ въ пустынѣ 40 дней и 40 ночей безъ питья и ъды. (Ме. IV, 2).

И голосъ плоти его сказалъ ему: (Ме. IV, 3) если бы ты былъ сынъ всемогущаго Бога, то ты по своей волѣ могъ бы сдѣлать хлѣбы изъ камней; но ты не можешь этого сдѣлать, стало быть, ты не сынъ Бога. (Лк. IV, 3; Ме. IV, 3). — Но Иисусъ сказалъ себѣ: если я не могу сдѣлать изъ камней хлѣба, то это значитъ, что я не сынъ Бога плоти, но сынъ Бога духа. Я живъ не хлѣбомъ, а духомъ. И духъ мой можетъ пренебречь плотью. (Лк. IV, 4; Ме. IV, 4).

Но голодъ все-таки мучилъ его; и голосъ плоти еще сказалъ ему: если ты живъ только духомъ и мо-

жешь пренебречь плотью, то ты можешь отрѣшиться отъ плоти, и духъ твой останется живъ. — И ему представилось, что онъ и стоитъ на крышѣ храма, и голосъ плоти говорить ему: если ты сынъ Бога духа, то бросься съ храма, ты не убьешься. (Лк. IV, 9). А невидимая сила сохранитъ тебя, поддержитъ и избавить отъ всякаго зла. (Лк. IV, 10, 11). — Но Иисусъ сказалъ себѣ: я могу пренебречь плотью, но не могу отрѣшиться отъ нея, потому что я рожденъ духомъ во плоти. Такова была воля Отца моего духа, и я не могу противиться ему. (Лк. IV, 12; Мѳ. IV, 7).

Тогда голосъ плоти сказалъ ему: если ты не можешь противиться Отцу своему въ томъ, чтобы не броситься съ храма, и отрѣшиться отъ жизни, то ты не можешь также противиться Отцу въ томъ, чтобы голодать, когда тебѣ хочется ѣсть. Ты не долженъ пренебрегать похотьми плоти; онъ вложены въ тебя, и ты долженъ служить имъ. — И Иисусу представились всѣ царства земныя и всѣ люди, какъ они живутъ и трудятся для плоти, ожидая отъ нея награды. (Лк. IV, 5; Мѳ. IV, 8). И голосъ плоти сказалъ ему: вотъ видишь, они работаютъ мнѣ, и я даю имъ все, что они хотятъ. (Лк. IV, 6). Если будешь работать мнѣ, и тебѣ тоже будетъ. (Лк. IV, 7). — Но Иисусъ сказалъ себѣ: Отецъ мой — не плоть, а духъ. Я имъ живу. Его знаю въ себѣ всегда, его одного почитаю и ему одному работаю, отъ него одного ожидая награды. (Лк. IV, 8; Мѳ. IV, 10).

Тогда искушение прекратилось, и Иисусъ позналъ силу духа. (Лк. IV, 13).

И познавъ силу духа, Іисусъ вышелъ изъ пустыни и пошелъ опять къ Іоанну и былъ съ нимъ.

И когда Іисусъ уходилъ отъ Іоанна, Іоанъ сказалъ про него: —это спаситель людей. (Ін. I, 36).

По этимъ словамъ Іоанна два ученика Іоанна оставили своего прежняго учителя и пошли за Іисусомъ. (Ін. I, 37). Іисусъ увидалъ, что они идутъ за нимъ, остановился и говорить: что вамъ надо? Они сказали ему: учитель! мы хотимъ быть съ тобою и узнать твое учение. (Ін. I, 38). Онъ сказалъ: пойдемте со мной, и все скажу вамъ. Они пошли съ нимъ, и пробыли съ нимъ, слушая его, до десятаго часа. (Ін. I, 39).

Одного изъ этихъ учениковъ звали Андрей. У Андрея былъ братъ Семенъ. (Ін. I, 40). Послушавъ Іисуса, Андрей пошелъ къ своему брату Семену и говоритъ ему: мы нашли того, про котораго писали пророки, Мессію, того, который возвѣстилъ намъ наше спасеніе. (Ін. I, 41). Андрей взялъ съ собой Семена и привелъ его тоже къ Іисусу. Этого брата Андреева Іисусъ прозвалъ Петромъ,—значить камень. И эти оба брата стали учениками Іисуса. (Ін. I, 42).

Потомъ, уже передъ входомъ въ Галилею, Іисусъ встрѣтилъ еще Филиппа и позвалъ его съ собою. (Ін. I, 43). Филиппъ былъ изъ Виёсаиды, односелецъ Петру и Андрею. (Ін. I, 44). Когда Филиппъ узналъ Іисуса, онъ пошелъ и розыскалъ брата своего Нафанаила и говоритъ ему: мы нашли избранника Божія, про котораго писали пророки и Моисей. Это — Іисусъ, сынъ Йосифа, изъ Назарета. (Ін. I, 45). Нафанаилъ удивился